

МОЛЬЕР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ТЕАТРЕ

Национальный национальный театр открыл свои московские гастроли постановкой пьесы самого народного драматурга Франции — «Дон Жуаном» Мольера.

...Еще не перевелись люди, которым представляется, что «народное» равнозначно простому, грубому, примитивному и прямолинейному. Таких зрителей театр, руководимый Жаном Виларом, поразит своей полной противоположностью подобному пониманию народности. Вы ощущаете это с того момента, как входите в зрительный зал. Занавеса нет, перед вами открытая сцена, убранная черным бархатом. Ступенчатые площадки.

В программе сказано: «Сцена представляет дворец». А дворца нет, как не будет и «местности на берегу моря» во втором акте, леса — в третьем, апартаментов Дон Жуана — в четвертом. И только ремарка пятого акта верна: «Сцена представляет открытую местность».

От начала и до конца сцена здесь представляет открытую местность. Но вот на ней появляются актеры, и от того, как они ведут себя, как говорят, вы начинаете *ощущать* и место и обстановку действия.

В наших эстетических трактатах, учебниках и статьях театральная условность безоговорочно отвергается как признак упадочного искусства. Забыто, что условность была присуща народному театру древней Греции, театру Лопе де Вега и Шекспира, она еще живет в театре Китая, Индии, Японии. И дело вовсе не в том, чтобы сцена была похожа на дворец или лес, а в том, чтобы зритель видел все это глазами своей души...

Актеры. Один за другим появляются они перед нами. Сганарель (Даниэль Сорано) — он перешел на сцену с листа гравюры XVII века, изображающей самого Мольера в этой роли. Дон Жуан (Жан Вилар) напоминает рисунок Жака Лемана. Зритель может этого не знать или не помнить, но у него все равно будет ощущение того, что персонажи — одновременно живые люди и театральные маски.

Постановщик Жан Вилар не только не боится этого, он сознательно прибегает к подобным приемам. Все в этом театре рассчитано на то, чтобы возбудить *активность зрительского восприятия*. Если вы будете сидеть и ждать, что вам все покажут, вы ничего не увидите в театре Вилара. Ленивым здесь нельзя быть. Зритель должен работать вместе с актером. Его воображение должно многое дорисовывать. И, конечно, прежде всего и больше всего надо уметь слушать.

Искусство речи высоко развито у актеров французского театра. На спектаклях «Комеди франсез» мы поражались мастерству сценического слова, его необыкновенной легкости и изяществу, стремительной быстроте. Но то была речь камерная. В театре Вилара речь рассчитана на большую аудиторию, сцену на открытом воздухе. И оттого каждое слово произносится четко, вы слышите его отдельно от других. Но их объединяет свой ритм — ритм ораторской речи, которую должен услышать каждый человек в толпе, как бы ни была она велика.

Четкость характеризует и мизансцены, построенные с откровенной геометричностью. Это особенно заметно, когда на сцене — три или четыре персонажа. Они стоят треугольником, параллелограммом, перерезают сцену диагональю.

Костюмы действующих лиц условно историчны и опять-таки откровенно театральны. Это яркие цветные пятна, резко выделяющиеся на фоне черного бархата кулис и задника, — красное, зеленое, фиолетовое, белое, коричневое. Лучи прожекторов пересекают сцену. Прямой свет освещает героя, на которого мы должны смотреть. И зал замирает, когда столбы лучей, падающих прямо сверху, образуют на фоне черного бархата два ряда колонн, ведущих к статуе Командора...

Я начал с внешнего оформления спектакля потому, что оно необходимо для нас теперь своей условностью. Наш театр давно отказался от нее и лишь за последнее время стал понемногу возро-

ждать ее. Я не сторонник чистой условности, но разве лучше натурализм, почему-то выдаваемый иными деятелями театра за реализм? В театре Вилара условность уживается с реализмом, но это реализм явно театральный; интонации речи, мимика и движения не претендуют на бытовое правдоподобие, они предельно выразительны, экспрессивны.

Формальные приемы театра Вилара подчинены большим идейным задачам. Об этом лучше всего говорит репертуар театра, основанный на драматургической классике и значительных по содержанию современных пьесах. «Дон Жуан» Мольера — благодарный материал для спектакля, насыщенного большими идеями. В трактовке Вилара это отнюдь не история «севильского обольстителя», не пьеса о ненасытном женолобии и жажде наслаждений. Отказавшись от мелочного бытовизма, театр резко подчеркнул философский смысл этой необычно сложной для Мольера пьесы. В трактовке Вилара нет и тени архаизма. Классическая пьеса неожиданно оборачивается совершенно современной, — для Франции, во всяком случае.

Дон Жуан — Вилар — не обольститель. Это умный, но изверившийся в жизни человек. У него нет идеалов и нет веры. «Два и два — четыре, четыре и четыре — восемь» — такова философия Дон Жуана. Существуют факты, а вера, убеждения, идеалы, мораль — пустяки.

Ему противостоит Сганарель с его наивной верой и нехитрой, но честной моралью. Даниэль Сорано великолепно передает существо образа — его Сганарель воплощает не сложный, но зато здоровый в своей основе кодекс правил простых людей.

Так и живут рядом эти два существа — умный барин и простоватый слуга, у каждого из которых есть своя правда и свои заблуждения. У Сганареля — здоровые инстинкты, у Дон Жуана — смелый ум. Философский конфликт драмы в том, что они противоборствуют, а не идут об руку. И может быть, я не ошибусь, если скажу, что для современного буржуазного общества эта проблема является насущной и злободневной. Интеллект, оторванный от почвы народности и человечности; человечность, не поднявшаяся до высокой интеллектуальной культуры, — не в таком ли аспекте раскрывается одно из противоречий мира, где царит социальное неравенство?

Дон Жуан видит ложь и умеет ее обличать, но у него нет идеала, который он мог бы противопоставить лицемерной морали ханжы. Мольер не дал безусловно ясной концовки. «Дон Жуан» — наименее дидактичная из его пьес. Драматург поставил проблему, предоставив времени решить ее. Вот почему пьеса звучит и теперь, будя мысли, рождая раздумья.

Автор и театр обращаются к мысли и совести каждого человека, недаром и Дон Жуан и Сганарель так часто вступают в прямое общение с публикой. Народность пьесы и спектакля не в том, что они опускаются до уровня общедоступного, а в том, что они поднимают сознание и чувство зрителя, обогащая и обостряя их.

Философия, мысль в этом спектакле воплощены тонкими, специфически театральными средствами. Какое точечное мастерство монолога показывают Дон Жуан — Вилар, Сганарель — Сорано! В устах Моник Шометт музыкой звучит речь Эльвиры в 4-м акте, и мольеровская проза как бы преобразается в стихи. А сколько блеска в диалогах! Наконец, поразительно своей отделанностью и нюансировкой трио Дон Жуан — Шарлотта (актриса Зани Кампан) — Матюрна (Кристиан Минаццони).

Со спектакля уходил с ощущением того, что приобщился к подлинному искусству. Оно не исчерпывает всех возможных методов и приемов театра, но его право на существование бесспорно. Народу нужно богатство и разнообразие искусства. Одну из его законных форм показал нам французский Национальный народный театр.

Александр АНИКСТ